

Елена Юрьевна Погорельская

Гуманитарный университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Екатеринбург, Россия
e-mail: schreibigus@mail.ru

От *techne* к технической реальности: рождение картины мира

Аннотация. В статье рассматриваются онто-гносеологические аспекты возникновения западноевропейской картины мира. Историческая реконструкция позволяет выделить в западноевропейской культуре стратегические точки возникновения и поворотов, позволивших сформироваться крупномасштабному мировоззренческому концепту «картина мира», который до сих пор является фундаментальным способом мироотношения. Западноевропейская картина мира возникает и начинает формироваться внутри эллинистической философии благодаря *techne* как способу выведения истины из потаенности посредством таланта мастера. Средневековое религиозное мировоззрение изобретает и использует астрономические инструменты, чтобы за покровом мира увидеть Творца. В эпоху Ренессанса, с появлением линейной перспективы и камеры-обскуры, происходит превращение мира в картину. Новоевропейское мировосприятие, почувствовав силу экспериментально-технических опосредований, решает трансформировать «картину мира» под свой прагматический запрос.

Ключевые слова: картина мира, техническая реальность, *techne*, эксперимент, истина, объективность, предмет рассмотрения.

Elena Yu. Pogorelskaya

Humanities University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Ekaterinburg, Russia
e-mail: schreibigus@mail.ru

From *Techne* to Technical Reality: The Birth of a Worldview

Abstract. The article examines the ontological and epistemological aspects of the emergence of the Western European worldview. Historical reconstruction makes it possible to identify strategic points of origin and turns in Western European culture, which allowed the formation of a large-scale ideological concept “worldview”, which is still a fundamental way of world relations. The Western European picture of the world arises and begins to form within Hellenistic philosophy thanks to *techne*, as a way to bring the truth out of hiding through the talent of the master. The medieval religious worldview invents and uses astronomical instruments to see the Creator behind the veil of the world. In the Renaissance, with the advent of linear perspective and camera obscura, the world was transformed into a picture. The New European worldview, feeling the power of experimental and technical mediations, decides to transform the “picture of the world” according to its pragmatic request.

Keywords: worldview, technical reality, *techne*, experiment, truth, objectivity, subject of consideration.

Введение (Introduction)

Понятие «картина мира» формирует научную парадигму западноевропейской цивилизации. Особенность такого уровня понятий не только в том, что они представляют собой наиболее общий срез действительности, но и в том, что они во многом являются «слепым пятном» для пользователей данного термина. Исследователи привыкли говорить о мифологической, естественно-научной, религиозной, психологической, педагогической картинах мира и т. д., не вдаваясь в детали того, что эти рассуждения имеют когерентный смысл только в рамках западноевропейской культуры. В данной работе мы наметили путь формирования

взгляда на мир как на картину, связав это с возникновением и особенностями развития технической реальности в локальности западноевропейского мироотношения.

Понятие «картина мира» используется в философском дискурсе как особый взгляд на мир, который, по мнению М. Хайдеггера, заключается в завоевании действительности. «Слово “картина” означает теперь: конструкт определяющего представления. Человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму», — пишет Хайдеггер в работе «Время картины мира» [1, с. 106]. Мы ставим своей задачей показать, что появление «картины мира» как особого

мироотношения связано с трансформацией античного *techne* в техническую реальность. Э. Гуссерль уточняет, что «любая история фактов... пребудет в непонятности, потому, что она, всегда наивно заключая из фактов, никогда не тематизировала всеобщую смысловую почву, на которой покоятся все... заключения, никогда не исследовала присутствующее ей мощнейшее структурное Априори» [2, с. 235]. Античное *techne*, развернутое до технической реальности, есть то структурное априори, которое проявляет себя в европейской истории и формирует картину мира.

Методы (Methods)

В решении данного вопроса мы будем пользоваться методами исторической реконструкции и аналитической феноменологии, которые позволяют за массой исторических фактов выделить смысловую логику трансформации технической реальности в европейскую научно-техническую картину мира.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Трансформация истины и *techne* от античности до Ренессанса. В античности не присутствует понятие объективности, а есть понятия блага, справедливости, философской истины. Причем все эти понятия составляют как бы разные грани одного и того же. Сложно отделить истину от блага и благо от справедливости, особенно если это касается понимания вещей, разных по своей природе. Философская истина значима для всех. Справедливое государство — государство, где каждый занимает свое место, это социальный порядок, социальный космос. Умный правитель, согласно Платону, понимает, что каждый человек пригоден к разному, поскольку души у людей не одинаковы. И если душа у человека яростная, то из него выйдет хороший воин, но не ремесленник и не поэт. *Techne* в управлении государством выражается в том, что каждый человек поставлен мудрым государем на свое место во благо всех.

Истина для греков — знание теоретическое, умозрительное. «Большинство древнегреческих мыслителей достаточно низко оценивало результаты чувственного созерцания, полагая, что из-за его тесной связи со *страстью*... оно способно давать лишь изменчивые *мнения*... Гораздо выше ценилось *умозрение* — *созерцание* с помощью ума... способное, как считалось, давать... достоверное знание... потому, что оно неподвластно эмоциям, побуждающим к скороспелым выводам и неразумным действиям» [3, с. 79], — замечает Г. В. Болдыгин. Умозрение позволяло грекам видеть разнообразие природ вещей, природа каждой вещи требовала своего *techne*. Поэтому, если искусство врача проявлялось в высвобождении логоса здоровья у пациента, то искусство учителя в высвобождении логоса человеческого, того, что в наибольшей степени требуется государству. «...Тот, кто обладает философской истиной, обладает постижением фундаментальной природы реальности» [4, с. 75], — пишет Р. Вулф о характере платоновской истины. Благо для всех, значимость для всех, соответствие знания реальной природе вещей перекликаются с современным понятием объективной научной истины.

Античного философа в «танце познания» вела природа вещи. Мастер, философ, ведомый любовью, применяя свое *techne*, выводит истину о вещи на свет, делает видимой, непотаенной. *Techne* изначально уловка, хитрость, мастерство, которое позволяет взаимодействовать с природой вещи. Платон, рассказывая о повивальном искусстве (*techne*) своей матери Фенареты, определяет собственное искусство наводящих вопросов как средство выведения истины из того человека, который, как говорит Платон, не пуст [5, с. 136]. Истина вспоминается, искусство философа в том, чтобы помочь ученику ее в себе обнаружить, вывести на свет. *Techne* — метод высвобождения истины, а изначальное ее пребывание, как говорит Платон, в подлунном мире, мире идей: мире нерушимом, не подверженном изменению.

Появление христианского миропонимания позволяло усматривать за природными процессами замысел Бога, и в этом смысле научное знание совсем не противоречило вере: к Богу можно прийти и «со стороны» его творения, поскольку именно через творчество проявляется содержание акта/могущества/деятельности и человека, и Бога. Однако средневековое мышление оставляло «законное место» истины на стороне трансцендентной реальности. Истина связывалась с небесной твердью: надежное, вечное, основа всего находились именно там. Технические приспособления, которыми пользовались средневековые монахи, также были ориентированы на небесную сферу. Основной наукой, еще с Античности перешедшей благополучно в Средневековье, была астрономия. Примерно в 1230 г. Иоанн Сакробоско пишет научный трактат «О сфере», учебник по астрономии, в котором излагаются главные идеи о структуре Вселенной. Астрономию преподавали в средневековых университетах в составе квадривия, и она отличалась от космологии тем, что изучала количественные характеристики небесных тел, а не отвечала на вопросы «как и почему». Этими вопросами со времени Аристотеля занималась космология. Как количественная наука астрономия предполагала применение инструментов. Например, «для Сакробоско астрономия была инструментальной наукой в буквальном смысле слова. Его «Трактат о сфере» повествовал не только о сферах, составляющих небеса. В первую очередь он был посвящен медным сферам, которые использовались для моделирования небесных: этот своего рода каркас небесного глобуса называли армиллярной сферой» [6, с. 119], — пишет Себ Фальк. Дело в том, что при помощи этого инструмента средневековым студентам университетов объясняли «работу вселенского механизма» [6, с. 120], оставляя при этом аристотелевскую концепцию объяснения движения небесных сфер и движения в космосе как такового. И если астрономическая модель мира пришла в Средневековье из Античности без принципиальных изменений, то в отношении космологических идей Аристотеля средневековое религиозно-научное мышление было не согласно: дело в том, что, по Аристотелю, космос существует вечно. В XIII в. Роберт Гроссетест пишет трактат «О свете», в котором описывает появление космоса из вспышки света. Гроссетест полагал, что свет распространяется и тянет за собой материю, а это очень похоже на современную

концепцию Большого взрыва [6, с. 141]. Неудивительно, что Роджер Бэкон, его ученик и почитатель, так много внимания уделяет перспективе, считая изучение оптических явлений наиболее важным направлением исследований, потому что таким образом божественная благодать распространяется по миру. В полном соответствии с Августином францисканцы изучали свет, дабы объяснить положения первой главы Евангелия от Иоанна: «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но *был послан*, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» [7, с. 236]. Просвещение человека Евангелием позволит защитить мир от влияния нечистой силы. Неудивительно, что так много внимания в средневековой науке было уделено свету.

Историческим переломом в представлении об истине стало появление аппарата с названием *camera-obscura*. Ренессансная техника приземлила истину, связала ее с материальной стороной реальности, а это шло вразрез с культурной традицией, сформированной Платоном и Аристотелем и продолженной средневековыми учеными и инженерами. Ренессансное мышление поставило истину в фокус зрения, связав ее с объективом. Возникает объективная истина, в прямом смысле слова. Объективность прежде всего предполагает «быть схваченным», пойманным в фокус взгляда.

Камера-обскура представляет собой ящик, темный изнутри, на передней стенке которого есть небольшое отверстие, через это отверстие собираются солнечные лучи. На внутренней стенке темного ящика возникает перевернутое изображение предметов, находящихся на ярком свете снаружи. Техническое восприятие мира общенационально и феноменально: сложные предметы показывают лишь свои поверхности. Камера-обскура позволяла создавать на плоскости проекции/копии сложных объемных вещей. В единой плоской системе камеры-обскуры в результате оптических преобразований естественного света совмещаются разнообразные природы вещей, порождая новую форму реальности — *реальность техническую*.

Эпоха Ренессанса, создавшая камеру-обскуру и линейную перспективу, превращает мир в картину, где ведущая активная роль намертво закрепляется за субъектом. Вещи мира меняют онтологический статус, возникая заново внутри технических (и техноподобных впоследствии) отношений. Технические аппараты позволяют создавать оптические копии вещей, тени на стене, с которыми всё больше начинает иметь дело новый «возрожденный» человек. Стенные копии приобретают статус наглядных доказательств, а это уже имеет непосредственное отношение к истине. «Камера-обскура работает лишь с реальным материалом, что было окончательно доказано ее дальнейшим развитием в фотокамеру» [8, с. 61], — определяет Фридрих Киттлер. Камера-обскура стала первичной техникой целенаправленного приема изображения [8, с. 128]. Проблема заключалась в том, чтобы эти копии закрепить, и поэтому художники их перерисовывали, водя непосредственно карандашом по изображению, оставленному световым лучом внутри камеры-обскуры.

Считается, что еще Аристотель предлагал наблюдать солнечные затмения, не смотря на солнце напрямую, ведь можно ослепнуть, а рассматривать небесный свод, находясь внутри комнаты, в передней стене которой есть небольшое отверстие. Однако как аппарат камеры-обскуры стали использовать именно художники-инженеры Ренессанса, которые пользовались проекциями вещей для создания собственных полотен. Картины можно было выдавать одну за другой, ремесленным способом, копируя естественные вещи. Материальная действительность вызвала всё больше интереса. Истина всё больше связывается с тем, что происходит в видимом мире. С тех пор истину высматривают при помощи объектива, за ней гонятся, ее открывают.

Представление об объективности истины, которое до сих пор используется, связывают с соответствием знания предмету и независимостью этого знания от частных досужих мнений. Объективное знание — знание, значимое для всех. Например, говоря об объективности закона всемирного тяготения, сформулированного Исааком Ньютоном, мы уверены в том, что этот природный закон отменить нельзя, он действует вне зависимости от желаний, и человечество учитывает действие этого закона для реализации своей воли. Современное представление об объективности истины во многом, по крайней мере в повседневном представлении, «несет в себе» этот классический образец. Например, в случае какой-либо болезни современная медицина направляет пациента на лабораторное или диагностическое обследование, которое проводится при помощи технических средств: различных приборов, оборудования, которые позволяют поставить объективный диагноз болеющему человеку, т. е. найти истину в отношении заболевания. Использование технических средств для получения достоверного знания о реальности говорит о том, что приборы выступают на равных с исследователем за получение таковых.

Приборы, которые использовались в экспериментах, придали знанию демонстрационный характер. Они позволяли создавать особые научные факты, которые без приборов и измерений, с ними связанных, не появились бы. В фокусе экспериментального взгляда мир превращался в картину: ученые перестали смотреть на мир непосредственно. «Чувства человека обманывают», — говорит Френсис Бэкон в работе 1620 г. «Новый органон», как будто ученые коллективно ослепли и им всем одновременно потребовались очки. Исследователи ставят между собой и ликом природы приборы, таблицы, графики, схемы, рассматривая естественный мир сквозь фильтры технических сущностей. Глобальной камерой-обскурой, организующей фокус зрения, становятся экспериментальные площадки, лаборатории, ботанические сады, аквариумы, террариумы и зоопарки, которые создаются не только как фонды для сбережения диких животных, привезенных мореплавателями, но и как средства сохранения материалов для исследования. Эксперименты, возникшие в Новое время, были «своеобразным синтезом науки, техники и технологии» [9, с. 30]. Эксперимент сформировал науку Нового времени, можно сказать, что экспериментальное видение сформировало и парадигму, называемую сейчас «картина мира». Особенностью экспериментального видения, в отличие от античного

умозрения/созерцания, был его деятельностный и технически организованный характер.

Эксперимент как зрелище. Эксперимент рассматривают, прежде всего, как одно из средств достижения истины. Однако в XVII–XVIII вв., когда занятие наукой становится «модным занятием», эксперимент можно рассматривать как форму продвинутой/передовой социальной практики. Наукой занимались герцоги, короли, а впоследствии и русские цари. Заниматься наукой было престижно, и государственные вельможи берут передовое знание под свое покровительство, поддерживая авторитет ученых не только финансовыми вложениями, но и личным участием в постановке экспериментальных зрелищ. Например, в экспериментах Уильяма Гарвея, которые были посвящены его концепции кровообращения, присутствовал король Карл I и некоторые английские аристократы. Животные для экспериментов, например молодые олени, также были взяты из зверинца его августейшего величества. Эксперименты проводились неоднократно, серийно, в них были задействованы живые животные, процедура называется вивисекцией. Это типичный эксперимент, когда ради наглядности истины объект исследования ставится в агрессивные/неестественные условия для выявления скрытых свойств и связей внутри себя. Важно, что эксперименты подобного плана проводились публично. Фундаментальный труд Уильяма Гарвея «Анатомическое исследование о движении сердца и крови животных» был опубликован в 1628 г. Экспериментам Гарвея на живых животных предшествовали исследования трупов в анатомических театрах. Анатомические театры возникают в конце XV в. в Италии (ср. камера-обскура XV в., Филиппо Брунеллески, Италия), а в XVII в. становятся обязательными исследовательскими помещениями в европейских университетах. Технология аутопсии (вскрытия трупов для изучения органов), близкая по характеру новоевропейскому эксперименту, проводимая в оборудованной лаборатории при помощи медицинских инструментов, также зрелищна и публична. Театральная постановка и лабораторный эксперимент сливаются воедино.

В XIX в. с появлением фотографии (1839) стало возможным техническое «накопление и складирование» образов. Фотография «закрепляла» действительность, останавливала время. Неудивительно, что этим новым методом стали пользоваться не только ученые, стремящиеся зафиксировать «внешность» научных экспонатов, результаты своих экспериментов, но и полицейские управления Европы, прежде всего Франции, фиксируя в картотеках, наряду со словесным портретом преступника, также его фотографию в профиль и анфас. При этом преступник самостоятельно должен был держать линейку у своего лица. Эта практика соответствовала господствовавшему в это время позитивистскому духу: накопить эмпирический материал, создать картотеку. «Преступник сам измерял себя копией порожденного революцией эталона метра. Он превратился в измерительный объект новой техники. И хотя это было не особенно добровольно, но всё-таки было инновацией. Фотография, согласно великолепному определению Арнгейма, означает, что нечто реальное (каким бы оно ни было, преступным или нет) оставляет собственные следы на средстве запе-

чатления изображения» [8, с. 156], — отмечает Ф. Киттлер. Преступников надо было правильно идентифицировать, как особый вид растений или животных. Криминалистика этого времени заменила волюнтаристские и расплывчатые описания *научностью фотографии*, которая была более эффективной в деле расследования преступлений. Сейчас антропометрия имеет большое значение не только в криминалистике, но и в медицине, статистике, антропологии.

Предмет экспериментального исследования и появление технической реальности. Само понятие «предмет исследования» появилось в XVIII в. как калька с латинского слова *obiectum* [10, с. 71]. Хотя до сих пор студенты путают объект с предметом, между тем объект, объективность указывают прежде всего на существование вещи, а предмет — на фокус исследовательского интереса, фокус внимания. Предмет — это та часть объекта, которая попала в «место особой чуткости» ученого, аналитика или инженера. Реальность, возникающая в зоне эксперимента, под прицельным, часто усиленным инструментально взглядом, — это реальность техническая.

Например, в 1870-х гг. один богатый любитель лошадей, Лилэнд Стэнфорд-старший, узнав из случайного рисунка, что лошадь в галопе может находиться на одном копыте, и не поверив этому, решил организовать эксперимент. Для этого в коневодческое хозяйство Стэнфорда был приглашен Эдвард Мьюбридж, известный калифорнийский фотограф того времени. Нужно было найти «привилегированное мгновение» [11], — скажет потом Ж. Делёз об этом эксперименте. На ранчо в Пало-Альто рабочие соорудили стену, покрасили ее в белый цвет, а перед этой стеной проложили беговую дорожку. Вдоль дорожки было поставлено 12 моментальных камер, связанных между собой электрической цепью. «С помощью переключателей-реле, которые выпустила знаменитая Компания телеграфного оборудования Сан-Франциско, ...Мьюбридж добился того, что двенадцать камер срабатывали с интервалом всего сорок миллисекунд, причем каждая из них открывала затвор всего на одну миллисекунду» [8, с. 174]. После этого по дорожке пустили галопом лошадь, и губернатор Стэнфорд смог получить черно-белый снимок, на котором лошадь в одной из фаз движения на самом деле находилась на одном копыте.

Эксперимент — ситуация парадоксальная: с одной стороны, он предназначен для того, чтобы испытатель нашел ответ на вопрос «А как на самом деле?»; с другой стороны, экспериментатор при использовании технических средств смотрит на ту информацию, которую ему выдает прибор. Исследователь попадает во власть изображения.

Замечательное описание возникновения технической реальности в условиях экспериментального мира лаборатории можно найти у Бруно Латура: «Концентрация внимания на письме и на способе трансформации всего в записи не была моей прихотью, как я сначала думал, а была тем, для чего сделана лаборатория. Например, инструменты были разных типов, времен и степеней сложности. Некоторые из них были частями обстановки, другие занимали огромные помещения, и на их обслуживание требовалось множество техников, а на запуск — много недель. Но их конечный

результат, независимо от области, всегда сводился к маленькому окошку, через которое можно было прочесть очень небольшое количество знаков из довольно скудного набора (диаграммы, пятна, ленты, колонки). Все эти записи, как я их называю, можно было комбинировать, накладывать друг на друга и после минимального приведения в порядок встраивать в качестве изображений в тексты готовящихся статей» [12, с. 100–101]. В лабораторной стерильности крысы преобразовываются в диаграммы, медицинские препараты — в графики, время — в бегущую строку цифр. Это и есть техническая реальность.

Нужно сказать, что путаница в понимании технической реальности возникает достаточно часто, поскольку предполагается, что эта техническая реальность существует самодостаточно и имеет свои законы для самостоятельного развития. Такую точку зрения высказывает, например, Б. И. Кудрин: «...Цивилизация выступает как техническая реальность, появление, существование и развитие которой объективно и диктует жизнь, поведение, деятельность любого и каждого индивида. Речь идет о техническом уровне материи, а техническое бытие развивается по своим собственным законам, которые поддаются строгому сугубо научному математизированному обобщению и для своего понимания не требуют “примысливания” человека» [13, с. 97]. Современная цивилизация на самом деле похожа на огромную многоуровневую лабораторию, учитывая масштабное распространение техники и влияние технологических систем на все сферы бытия. «Природы нет» [14], — манифестирует Бруно Латур. Естественная среда — фикция. Человечество выстроило для себя искусственный мир: большинство инноваций вышло из технического лона лабораторий, размножившись впоследствии в конвейерах предприятий. Техническая реальность, как ресурс-ориентированное и ресурс-зависимое бытие, с необходимостью предполагает связь с глубинными слоями социальной жизни как таковой: начиная с уровня изобретения, осуществляясь через промышленное производство и технологические потоки, становясь товаром, услугой, торговой маркой на рынке, технический продукт падает по итогу «прямо в душу» потребителя, заставляя от себя зависеть. Техническое бытие во многом демонстрирует структурную дружелюбность.

Техника с легкостью встраивается не только в бытие естественной природы, поскольку сделана с учетом ее закономерностей, но и в социальные связи, так как изначально любой технический предмет выражает своим существованием определенную человеческую потребность или мечту. «В машине сходятся две линии обличения — природная и человеческая. Первая обнаруживается, поскольку в машине обличены природные законы, они явлены в принципе ее функционирования; человеческая — поскольку в движении машины представлен оптимальный вариант трудового действия человека, выбранный из многих вариантов, а потому приближающийся к чистой сущности» [15, с. 63], — пишут Д. М. Федяев и Н. Д. Федяева в работе «О машинном аспекте мироотношения: становление и трансформация». Машинное действие как чистая сущность действия человеческого, на наш взгляд, — основа для влюбленности человека в технический мир, как в свой идеал.

Особая «отзывчивость» технической реальности была обнаружена в XX в. с появлением неклассического эксперимента. Объективность неклассических экспериментов проявлена в серийности их проведения и получения одинаковых результатов разными исследователями в разное время и в разных странах. Объективность неклассических экспериментов продолжает поддерживать научную парадигму, в которой мир представлен как картина, как срез поверхности, который возникает в объективе взгляда ученого. Интеграция исследователя в техническую систему эксперимента наиболее явно представлена в физике микромира. «Ключевым моментом при этом оказывается то, что квантовая механика описывает не сам объективный внешний мир, а лишь вполне определенный эксперимент, поставленный для наблюдения некоторой части внешнего мира» [16, с. 152], — объясняет суть неклассического эксперимента Макс Борн. Картина, представленная сквозь оптику приборов изучения квантовых объектов, дает технически организованную версию, состояние атомного явления. Поскольку это один из срезов действительности, то для полноты «квантового образа» требуется рассмотрение того же объекта с потенциала другого прибора. Получается, что техническая реальность создается при одновременном включении субъекта исследования, прибора и материала, который попадает в фокус. В единой плоскости эксперимента соединяются природы разных уровней организации, в общий контекст встраиваются сущности, которые в естественном состоянии не пересекаются. Эксперименты, связанные с микромиром, — натурные [9, с. 252], они в любом случае связаны с эмпирической реальностью. Однако для них есть непротиворечивые математические модели на бумаге.

Появление во второй половине XX в. компьютерного, постнеклассического эксперимента [9, с. 252–270] ведет к ситуации диалога человека и машины. Техника всё чаще требует своего включения в человеческий диалог [17, с. 59]. Компьютерные технологии, развернувшиеся в полную силу после Второй мировой войны, позволяют обрабатывать большое количество данных за сравнительно короткий срок; они обладают высокой точностью, а также надежностью выдаваемых результатов. На основании знания природных законов и технологий компьютерного моделирования появляется перспектива «предсказывать возможные формы организации, динамику и тенденции в эволюции изучаемых объектов» [9, с. 263], — пишет Н. В. Бряник. Компьютерные модели развития реальности — на самом деле мощный инструмент в постижении действительности, и если учесть, что в большинстве своем наука и технологии имеют дело с открытой диссипативной сущностью мира, то прогнозирование природных и социальных процессов оказывается крайне актуальным. Современная техническая реальность во многом формируется информационными потоками и сетями, где между веществом, энергией и взглядом на мир встает информационный продукт. Информационный продукт / программа / виртуальный конструкт так же, как до него автоматический предмет/алгоритм, формируют точку зрения современного человека, смотрящего на мир и на себя самого сквозь предложения мониторов и дисплеев. Возникает особый вид технической реальности — реальность

виртуальная, в которой человек смотрит на мир и на себя как на некую множественность [18, с. 41].

Техническая реальность, при всей ее тенденции к глобализации описаний действительности, остается во власти фокуса картины мира, а следовательно, под тем фонарем, где светло.

Заключение (Conclusion)

Европейская научная картина мира содержит в себе в скрытом виде исторический путь развития технического истока в широкомасштабную фундаментальную парадигму, породившую современную техническую цивилизацию. Этот путь начинается с истока *techne*, имплицитно содержащего в себе интуицию вопроса о методе, который будет явно поставлен в XVII в. в рамках научно ориентированной философии. *Techne* изначально связывается с вопросом об истине, о том, как «на самом деле», о подлинном. Сложность и многогранность мира, а также ограниченность чувствен-

ного познания, которая была явлена человеку еще в эллинистическую эпоху, позволили впоследствии аристократический умозрительный метод познания истины дополнить техническими помощниками-инструментами. Цель-истина осталась, а методы стали более изощренными и сложными. Техническая реальность формировалась не сразу, она возникала под действием понимания эффективности технических вещей. Критически настроенный западноевропейский человек всё больше попадал в зависимость от того, что скажет «техника». Включив технические инструменты, приборы, впоследствии автоматы и роботизированную технику в свое мироотношение, человек всё больше стал смотреть на итоги своего взаимодействия с миром как на картину. Раздвигая границы мира, проникая вглубь материи и одновременно формируя космологический горизонт, человек всё больше превращает домашний космос древних греков в лабиринт ускользающих виртуальных образов.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 93–118.
2. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М. : Ad Marginem, 1996. 268 с.
3. Болдыгин Г. В. О культе теоретического знания и его оправдании (К истории вопроса) // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1 (28). С. 78–96.
4. Вулф Р. Истина как ценность в «Государстве» Платона // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2 (1–2). С. 48–79.
5. Погорельская Е. Ю. Учение о *techne* в рассуждениях Платона // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 134–141.
6. Фальк С. Светлые века: Путешествие в мир средневековой науки. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 440 с.
7. Библия. Новый Завет. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 671 с. Электрон. версия. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=452459> (дата обращения: 10.02.2024). Режим доступа: по подписке.
8. Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. М. : Логос, 2009. 272 с.
9. Бряник Н. В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа : (философский анализ классической, неклассической и постнеклассической науки). М. : Академический проект, 2021. 373 с.
10. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 67–84.
11. Делёз Ж. Кино. М. : Ад Маргинем, 2004. 622 с.
12. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. № 2 (27). С. 95–156.
13. Кудрин Б. И. Онтология технической реальности // Философские науки. 2017. № 6. С. 96–103.
14. Латур Б. Политики природы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
15. Федяев Д. М., Федяева Н. Д. О машинном аспекте мироотношения: становление и трансформация // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 60–68. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-36-60-68
16. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М. : Прогресс, 1973. 176 с.
17. Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С. Между двух огней: техника и вирус // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 56–64. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64
18. Николин В. В., Николина О. И. Множественная бесконечность в реальности виртуального: последствия для личности // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (39). С. 40–44. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-39-40-44